

УДК 94(5)
ББК 63.3(0)4

Об эволюции социальной системы раннесредневековых тюрков Центральной Азии в период зависимости от Китая*

Н.Н. Серегин¹

¹ Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Evolution of Early Medieval Turks' Social System in Central Asia in the Period of Dependence on China

N.N. Seregin¹

¹ Altai State University (Barnaul, Russia)

Представлен опыт реконструкции направлений эволюции социальной системы раннесредневековых тюрков Центральной Азии в период зависимости от Китая (630–679 гг. н.э.). Специфика социально-политического развития кочевников в это время до сих пор остается практически не исследованной. Это связано главным образом с фрагментарностью письменных и археологических источников, что затрудняет детализацию изменений общества кочевников в рассматриваемый период. Однако подробный анализ имеющихся материалов, в том числе результатов исследований последних лет, позволил выявить основные тенденции динамики социума кочевников. Судя по всему, коренной перестройки социальной системы раннесредневековых тюрков в 630–679 гг. не произошло. Принципиальные изменения наблюдались лишь в области административного устройства и политической организации. При этом достаточно сложно оценить ситуацию на периферии бывшего каганата. Очевидно, на окраинах кочевых империй, в том числе на территории Алтае-Саянского региона, разобщенные племена кочевников сохранили значительную степень независимости, находясь на отдалении от крупных оседло-земледельческих и военных центров.

Ключевые слова: раннесредневековые тюрки, Центральная Азия, социальная история, археологические памятники, Китай, письменные источники.

DOI 10.14258/izvasu(2014)4.1-35

Динамика социальной системы раннесредневековых тюрков Центральной Азии в значительной степени определялась спецификой политической ситуации в регионе. На формирование и эволюцию общества кочевников оказали серьезное влияние как традиции ко-

The article presents the experience to reconstruct early medieval Turks' of Central Asia social system evolution in the period of dependence on China (630–679 A.D.). To date the specifics of socio-political development of nomads have been poorly understood. It is connected, mainly, with inconsistency of written and archaeological sources which complicates the study of changes in nomad's society during the considered period. However, the detailed analysis of available materials, including recent research results allowed to reveal the main tendencies in dynamics of nomad's society. Apparently, the social system of early medieval Turks did not experience dramatic changes in 630–679 A.D. Basic changes were observed only in administrative and political organization, the analysis of the situation on the periphery of the former First khaganate being rather complicated. Obviously, on the periphery of nomadic empires including the territories of the Altai-Sayan region isolated nomadic tribes kept considerable degree of independence, keeping aloof from large agricultural and military centers.

Key words: early medieval Turks, Central Asia, social history, archaeological sites, China, written sources.

чевников предтюркского времени, так и специфика социально-политического устройства могущественного соседа – Китая. Влияние последнего в наибольшей степени проявилось в период зависимости кочевников от Поднебесной империи, наступивший после

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (проект «Центральная Азия в эпоху раннего Средневековья: комплексная реконструкция этнокультурной и социально-политической истории», МК-2490.2014.6).

крушения Восточно-тюркского каганата в 630 г. и продолжавшийся до 679 г.

Специфика социально-политического развития номадов в это время до сих пор остается практически не исследованной. В большинстве работ отечественных и зарубежных ученых лишь подчеркивался очевидный факт воздействия Китая на раннесредневековых тюрков, однако детализация происходивших процессов не осуществлялась [1, с. 10; 2, с. 171; 3, с. 140–141]. Фрагментарность исследований обусловлена, главным образом, ограниченностью источниковой базы, затрудняющей конкретизацию особенностей трансформации общества номадов в рассматриваемый период. Вместе с тем корреляция сведений письменных материалов и результатов раскопок археологических комплексов способствует определению общих тенденций развития социума раннесредневековых тюрков.

Анализ информации, представленной в письменных источниках, позволяет утверждать, что изменения социально-политической организации кочевников, происходившие в 630–679 гг., связаны с процессом «встраивания» в административную систему Поднебесной империи. Из династийных хроник известно, что, согласно решению императора, тюрков было решено использовать для охраны границ, а также в ходе дальних военных походов [4, с. 256–258]. Эти сведения находят подтверждение в рунических текстах, созданных уже в период существования Второго Восточно-тюркского каганата. В них сообщается, что номады «...стали рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством», «...пятьдесят лет служили табгачскому правителю и отдавали свои духовные и физические силы» [5, с. 37; 6, с. 39–40]. Включение кочевников в военно-административную систему Китая сопровождалось созданием двух наместничеств, находившихся под управлением китайских чиновников [7, с. 22–23; 8, с. 230]. При этом сохранялось значение и высокое положение представителей прежней элиты кочевников, получивших соответствующие должности [3, с. 115].

При оценке данной информации следует учитывать, что тесное и разноплановое взаимодействие раннесредневековых тюрков с Китаем имело к тому времени уже давнюю историю. К примеру, показательна активная внешняя политика правителей династии Суй, состоявшая в целенаправленной системе подкупов-подарков представителям элиты номадов, заключении междинастийных браков и др. Не меньшее значение имело проникновение в среду кочевников (причем здесь уже имеются в виду не только высшие слои общества) различных элементов китайской культуры [8, с. 162–163, 182]. Весьма ярко и obviously влияние Поднебесной империи отражено в рунических текстах VIII в., сообщающих о «коварных, хитрых и склонных к обману» чужеземцах, а также

о «сладких речах и мягких шелках», которые обрекли на гибель тюркский народ [5, с. 34–35; 6, с. 36, 39].

Одним из ранних археологических свидетельств влияния Китая на культуру тюрков Центральной Азии является известный Бугутский комплекс, важная часть которого – известная стела с надписями на согдийском языке и санскрите. Различным аспектам интерпретации данного объекта посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных исследователей [9; 10; 11, с. 39–54; 12; 13], что позволяет не останавливаться подробно на его специфике. По заключению В.А. Коренько [10, с. 365–366], Бугутская стела, как и подобные ей более поздние поминальные объекты Монголии, является уменьшенным и несколько упрощенным воспроизведением китайских стел, получивших распространение в Поднебесной империи уже с VI в. Кроме того, следует отметить появление в памятниках раннесредневековых тюрков 2-й половины VI – начала VII в. редких предметов китайского импорта [14].

Однако все приведенные материалы демонстрируют специфику взаимодействия кочевников с Поднебесной империей во время существования Первого каганата. До недавнего времени не имелось археологических комплексов середины – второй половины VII в., непосредственно иллюстрирующих особенности развития социума номадов в период зависимости от Китая, что существенным образом осложняло детализацию исследуемых процессов. Анализ известных результатов раскопок погребальных памятников раннесредневековых тюрков на территории Алтае-Саянского региона и Центральной Азии, относящихся к VII в., не позволял выделять объекты, отражающие какое-либо влияние китайской культуры, за исключением весьма немногочисленных для этого периода импортных изделий из Поднебесной империи. Лишь в последние годы появились весьма интересные археологические комплексы, иллюстрирующие этот период развития общества кочевников.

Речь идет о двух памятниках, исследованных в Центральной Монголии в 2009 и 2011 гг. – Шороон Дов [15; 16] (рис. 1) и Шороон Бумбагар [17; 18] (рис. 2). Нет сомнений, что изучение результатов раскопок этих комплексов, не имеющих аналогий в археологии раннесредневековых тюрков, только начинается, а интерпретация полученных материалов является предметом отдельной работы. Вместе с тем уже сейчас можно выделить основные черты данных объектов, позволяющие раскрыть некоторые сюжеты социально-политической истории номадов.

Комплексы Шороон Дов и Шороон Бумбагар, несмотря на определенную специфику каждого памятника, а также различную степень сохранности объектов, демонстрируют ряд схожих характеристик. Показательными конструктивными элементами сооружений являются крупная земляная насыпь

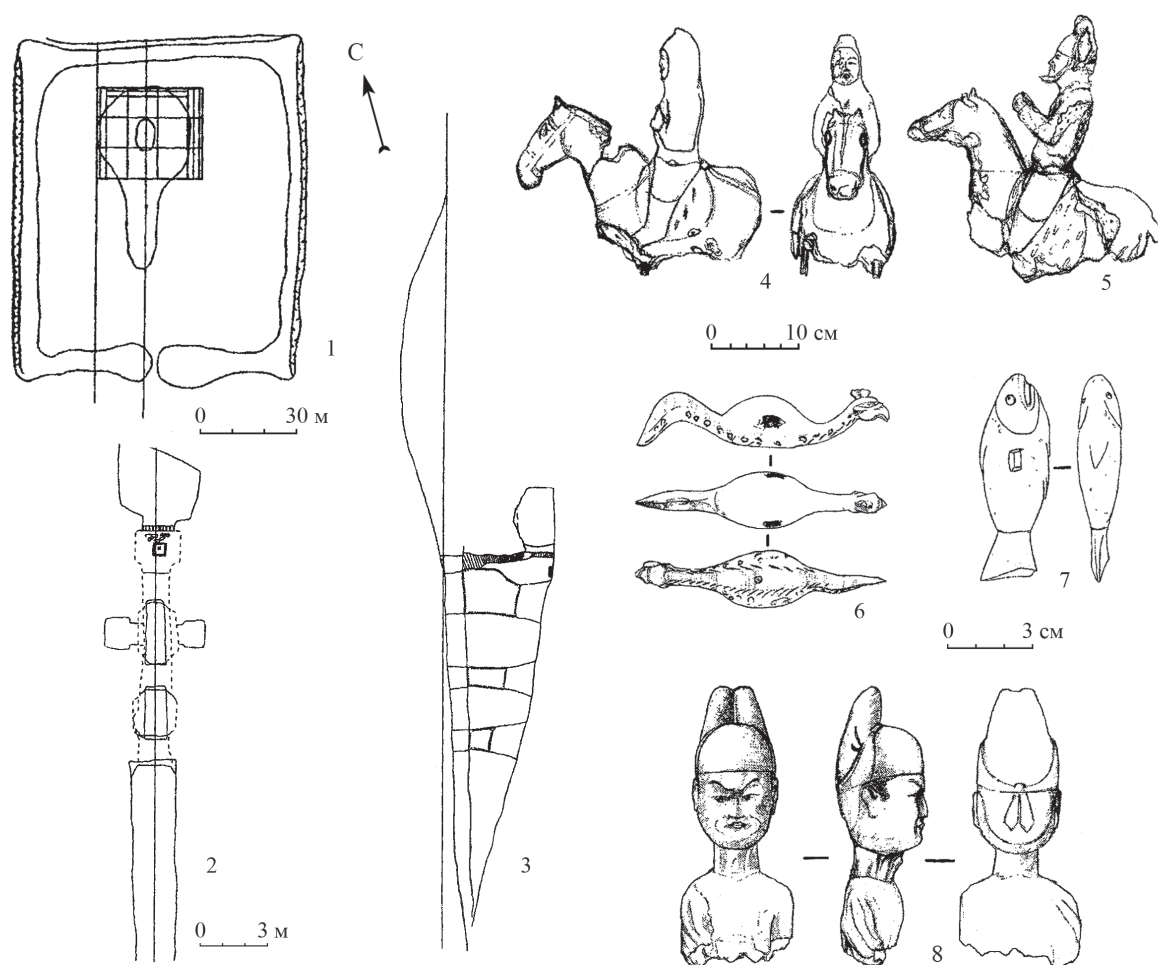

Рис. 1. Археологический комплекс Шороон Дов (по: [15, рис. 1])

(курган), длинный и довольно глубокий коридор-дромос, ведущий в подземный склеп, общая меридиональная ориентировка с входом на юге, а также две боковые ниши, заложённые кирпичами или каменными плитами, в которых находились многочисленные деревянные и глиняные фигурки стоящих людей и всадников. Отличительной чертой комплекса Шороон Дов является каменная плита, на которой высечен текст эпиграфии китайскими иероглифами. К сожалению, этот памятник оказался ограбленным. Вероятно, первоначально там находились и какие-то предметы, сходные с теми, что были обнаружены в ходе раскопок мавзолея Шороон Бумбагар. Датировка рассматриваемых комплексов может быть определена достаточно уверенно в рамках второй половины VII в. На это указывает как предварительный анализ китайской надписи [15, с. 256], так и время бытования отдельных категорий предметного комплекса.

Можно понять стремление отдельных казахстанских исследователей, принимавших активное

участие в изучении памятника Шороон Бумбагар, подчеркнуть тюркскую принадлежность мавзолея и найти черты, подтверждающие минимальное влияние извне на культуру кочевников [19, с. 285–287]. Однако для такой позиции нет объективных оснований. Скорее, наоборот – материалы раскопок рассмотренных комплексов не просто демонстрируют высокую степень влияния китайской культуры на кочевников Монголии, но и по совокупности показателей являются скорее китайскими, чем тюркскими. Обозначенные выше конструктивные особенности объектов, глиняные и деревянные фигурки стоящих людей и всадников, изображения на стенах дромоса и другое – все это весьма характерно для погребальных традиций элиты Поднебесной империи. «Тюркский» облик имеют лишь некоторые предметы инвентаря из мавзолея Шороон Бумбагар [18, зупраг 58] (рис. 2, 4–7).

Обозначенные характеристики «элитных» комплексов Монголии второй половины VII в. в полной

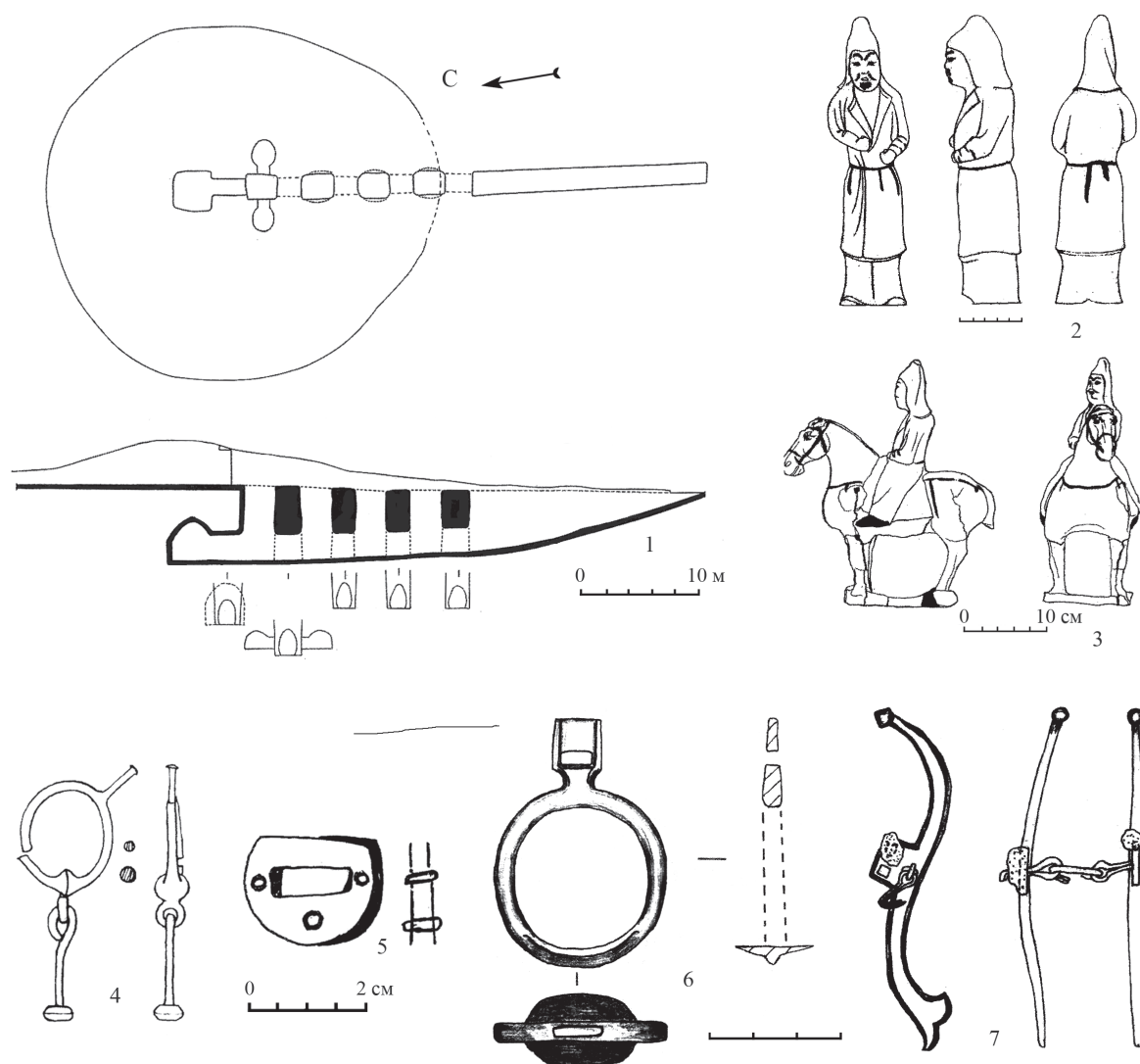

Рис. 2. Археологический комплекс Шороон Бумбагар (по: [18, зураг 15; тал. 60, 132, 173, 209, 213–214])

мере отражают историческую ситуацию, зафиксированную в письменных источниках и в общем виде представленную выше. Судя по всему, эти объекты были сооружены для представителей высшего уровня политической иерархии в тех областях, которые были населены кочевниками, но находились под управлением императоров Поднебесной империи. Более точно ответить на вопрос – были ли это китайские чиновники или принявшие китайские традиции погребального обряда тюрки – позволит дальнейшее изучение эпитафии из мавзолея Шороон Дов, а также исследование других подобных объектов.

В целом, представляется возможным утверждать, что коренной перестройки социальной системы раннесредневековых тюрков в 630–679 гг. не произошло. Принципиальные изменения наблюдались скорее в области административного устройства и политической организации. При этом достаточно сложно оценить ситуацию на периферии бывшего каганата. Судя по всему, на окраинах кочевых империй, в том числе на территории Алтае-Саянского региона, разобщенные племена номадов сохранили значительную степень независимости, находясь на отдалении от крупных оседло-земледельческих и военных центров.

Библиографический список

1. Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI–VIII веков. – М.; Л., 1946.
2. Жумаганбетов Т.С. Проблемы формирования и развития древнетюркской системы государственности и права. VI–XII вв. – Алматы, 2003.
3. Кычанов Е.И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). – СПб., 2010.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. 1.
5. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951.
6. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические памятники из Монголии. – М., 2008.
7. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.
8. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М., 2002.
9. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. – 1971. – Вып. X.
10. Кореняко В.А. Об изображении на Бугутской стеле // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М., 2001.
11. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. – Астана, 2006.
12. Bazytkhan N. Unknown Stone Stelas from Mongolia with Brahmi Inscriptions from Ancient India // India and Kazakhstan. Silk Road Synergy Continues. – New Delhi, 2011.
13. Drompp M.R. The Lone Wolf in Inner Asia // Journal of the American Oriental Society. – 2011. – №131(4).
14. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965.
15. Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х. Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ, 2010.
16. Бураев А.И. Скульптурные изображения всадников из кургана Шороон Дов // Мир Центральной Азии-3. – Улан-Удэ; Иркутск, 2012.
17. Алтынбеков К. Проблемы консервации древнетюркского мавзолея Майхан уул на территории Монголии // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т. II.
18. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. – Улаанбаатар, 2013.
19. Сарткожаулы К. Древнетюркский подземный мавзоль (провизорное краткое описание) // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. – Алматы, 2011. – Т. II.